

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.9>

Бирюкова Евгения Викторовна, Гришина Дарья Дмитриевна

Языковые особенности произведений писателей-мигрантов (на материале немецкого языка)

Статья посвящена анализу произведений, написанных немецкими писателями-мигрантами четвертой волны. В работе выделяются языковые особенности произведений - стилистические, грамматические и лексические, - которые связаны с использованием гротескных художественных приемов, заимствований и неологизмов. Целью работы является соотнесение выделенных особенностей с языковой нормой литературного немецкого языка. Новизна исследования заключается в анализе особенностей употребления синтаксических конструкций и лексического своеобразия романов авторов-переселенцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/4/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 47-50. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.11'367

Дата поступления рукописи: 05.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.9>

Статья посвящена анализу произведений, написанных немецкими писателями-мигрантами четвертой волны. В работе выделяются языковые особенности произведений – стилистические, грамматические и лексические, – которые связаны с использованием гротескных художественных приемов, заимствований и неологизмов. Целью работы является соотнесение выделенных особенностей с языковой нормой литературного немецкого языка. Новизна исследования заключается в анализе особенностей употребления синтаксических конструкций и лексического своеобразия романов авторов-переселенцев.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; писатели-мигранты; стилистические особенности; синтаксические конструкции; грамматическая норма немецкого языка.

Бирюкова Евгения Викторовна, д. филол. н., доц.

Гришина Дарья Дмитриевна

Московский городской педагогический университет

evb1303@rambler.ru; grischina-d@yandex.ru

Языковые особенности произведений писателей-мигрантов (на материале немецкого языка)

Для современного общества характерны тенденции к глобализации и взаимопроникновению культур, что ведет к проблеме эмиграции, миграции и прослеживается в сфере искусства. Художественное осмысление проблем судеб-эмигрантов, существования переселенцев в контексте двух культур и языков представляет несомненный научный интерес.

Германисты исследуют литературу, написанную эмигрантами, достаточно давно [3; 11]. Однако в большинстве случаев проводился литературный анализ работ писателей-мигрантов третьей волны, описывающих проблемы приспособления к условиям новой страны, использующих творчество как средство успокоения или выражающих в своих произведениях протест против всего чужого [8]. В предлагаемой статье изучаются произведения писателей четвертой волны эмиграции 1990-х гг. – О. Грязновой, С. М. Зальцман и Д. Капительмана.

Актуальность исследования заключается в структурном анализе языковых средств художественных текстов, написанных авторами-мигрантами, популярными современными писателями. Считаем весьма актуальным рассмотрение именно языковых особенностей данных художественных текстов ввиду их недостаточной изученности с позиций лингвистики.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые делается попытка соотнести отбор языковых средств для создания романов писателями-мигрантами и с языковой нормой литературного немецкого языка.

Целью данной работы можно считать описание и анализ языковых особенностей текстов романов «Русский – это тот, кто любит березы» (“*Der Russe ist einer, der Birken liebt*”) (здесь и далее перевод автора статьи. – Д. Г.), «Вне себя» (“*Außer sich*”), «Улыбка моего невидимого отца» (“*Das Lächeln meines unsichtbaren Vaters*”). Поставленная цель обусловила постановку и решение следующих **задач** исследования: выделить грамматические, лексические и стилистические особенности текстов произведений писателей-мигрантов, установить сходства и различия в употреблении языковых средств и определить соответствие языковых средств данных романов литературной норме современного немецкого языка.

Практическая ценность статьи заключается в том, что результаты и собранный фактический материал могут быть использованы для расширения описания языковых особенностей текстов других жанров, также написанных авторами-мигрантами из различных стран на немецком языке, или для сравнения в процессе системного изучения специфики художественных текстов писателей-мигрантов на материале других языков.

В ходе исследования применялись **методы** семантического, структурного и стилистического анализа, а также описательный и сопоставительный методы. Анализировались художественные произведения на немецком языке, которые были опубликованы данными русскоязычными авторами впервые. У каждого из трех писателей эмиграция произошла в раннем школьном возрасте, но из разных стран: О. Грязнова с семьей приехала из Баку, С. М. Зальцман – из Волгограда, а Д. Капительман до эмиграции жил с родителями в Киеве. Все они в совершенстве владеют как русским, так и немецким языком: немецкий используют в профессиональной и социальной сфере, а русский – для общения с семьей, с родителями.

Анализ материала показал, что можно выделить следующие языковые особенности художественных текстов: в области синтаксиса: эллиптические предложения, ряд следующих друг за другом вопросительных предложений, наличие изолированных предложений. В области стилистики были обнаружены такие художественные приемы, как персонификация неодушевленных предметов, абсурд или гротеск, диалог с читателем. Обнаружены также заимствования и неологизмы.

В первую очередь были рассмотрены синтаксические особенности художественных текстов, структурно образующие текст и представляющие определенный интерес для исследования.

Изолированные предложения.

В текстах изоляция встречается достаточно часто. ...*aber sie wusste, woran er zweifelte. Ob sie sie wahr* [12, S. 11]. / ...но она знала, в чем он сомневался. В том, что она – это она. В изолированном предложении зависимая часть выделяется из сложного предложения и приобретает самостоятельный статус.

Wonach ich mich sehnte, waren vertraute Menschen, nur war der eine tot, und die anderen ertrug ich nicht mehr. Weil sie lebten [6, S. 203]. / По чему я скучала, так это по надежным людям, только один из них был мертв, а остальных я больше не могла выносить. Потому что они продолжали жить. Изоляция служит для привлечения внимания читателей к выделенной части предложения, а само предложение несет эмпатическую функцию.

Повторы, а также ряд следующих друг за другом вопросительных предложений привлекают внимание читателя и несут эмоциональный характер: *Aber wann? Wann war das* [12, S. 11]? / Но когда? Когда это было? Героиня романа с усилием пытается вспомнить эпизод из своего детства. Но в этот момент ее попытки ни к чему не приводят. Эта беспомощность передается с помощью ряда повторяющихся вопросов.

Du musst doppelt so gut werden wie die anderen! Hörst du? Doppelte Leistung [9, S. 24]! / Ты должен быть в два раза лучше других. Слышишь? Двойной результат! Подобные эмоционально окрашенные предложения усиливают выразительность определенной части текста. В данном случае автор романа-автобиографии хочет передать свое состояние в момент разговора с родителями на повышенных тонах.

Именные конструкции также были обнаружены в проанализированных текстах. *Miniröcke, Burkas, Schnurrbärte in allen Schnitten und Farben, Sonnenbrillen in allen Größen, aufgespritzte Lippen in allen Formen, Kinder in Kinderwagen, Kinder auf dem Rücken, auf den Schultern, zwischen den Füßen* [12, S. 11]. / Мини-юбки, бурки, усы всех мастей, солнечные очки всех размеров, выделяющиеся губы всевозможных форм, дети в колясках, на спинах, на плечах родителей, ползающие по полу между ног. Именные предложения приобретают обрывистость, характерную для разговорной речи. Читатель получает возможность почувствовать себя в гуще событий данного эпизода – в шумном аэропорту.

Auf den Tischen seiner Bettnachbarn türmten sich Schokoriegel, aufgerissene Kekspackungen, Gummibärchentüten, Bonbons, Sudoku-Hefte, Zigaretten und Zeitschriften [6, S. 13]. / На столах его соседей по палате высились шоколадные батончики, вскрытые упаковки с кондитерскими изделиями, мармеладные мишки, конфеты, судоку, сигареты и журналы. В данном примере обилие именных конструкций служит для повышения образности текста.

Кроме того, было отмечено некоторое количество предложений с нарушением грамматической нормы немецкого языка, а именно рамочной конструкции и порядка слов в придаточных предложениях.

Er glaubte, dass Ali Anton wiederfinden würde in einer Stadt mit fast fünfzehn Millionen Einwohnern [12, S. 18]. / Он верил, что Али найдет Антона в городе с почти 15 миллионами жителей. Эта ошибочная с точки зрения синтаксической нормы конструкция позволяет выделить следующее за ней определение, относящееся к городу (Стамбулу).

Alle wurden vom Krieg verschont und von der Partei [Ibidem, S. 138]. / Война и партия пощадили всех. Аналогично предыдущему примеру рамочная конструкция здесь также нарушена, что в данном случае создает эффект гротеска, несоответствия поставленных в один ряд понятий «война» и «партия».

В работах немецкого литературоведа Э. Хаусбахер миграционная литература характеризуется наличием обращений рассказчика к читателям [7, S. 192]. Вслед за ней, мы также находим в романе Д. Капительмана подобные синтаксические конструкции. *Jetzt rede ich hier die ganze Zeit über Unsichtbarkeit und stelle mich selbst nicht mal vor. Verzeihung. Mein Name ist Dimitrij Kapitelman. Oder einfach Dima* [9, S. 14]. / Я все время говорю о невидимом, а сам даже не представился. Извините. Меня зовут Дмитрий Капительман. Или просто Дима. Посредством подобного обращения достигается эффект сближения автора с читателями.

В качестве стилистического приема Д. Капительман использует персонификацию предмета, а именно путевода. *Armer, geschundener LP, jetzt siehst du so aufgedunsen und klamm aus, wie ich mich fühle* [Ibidem, S. 264]. / Бедный, выдавший виды ЭлПи, сейчас ты выглядишь таким же дряхлым и немым, каким я себя ощущаю. Данный пример обнаруживает достижение ироничного эффекта, герой не просто обращается к книге, а делает это снисходительно и панибратски.

В минуты особо острого одиночества протагонист даже вступает с книгой в диалог: *Wenn ich schon Gaza nicht sehe, dann wenigstens Nabulus. Wird schon nichts passieren, oder was meinst du, LP? Frag mich nicht, sagt der, ich bin nur ein Buch* [Ibidem, S. 273]. / Если я не вижу Газу, то Набулус-то уж по крайней мере здесь. Ничего ведь не случится, как думаешь, ЭлПи? Ах, не спрашивай меня, говорит он, я ведь всего лишь книга. Герой словно пытается найти родственную душу хотя бы в книге, но это ему вновь не удается.

Абсурдность становится стилистическим средством также в романах О. Грязновой и С. М. Зальцман. Необходимо отметить, что С. М. Зальцман подчеркивает гротескными языковыми средствами неловкие ситуации, в которые попадает героиня романа. *Die Frage fiel aus ihr heraus und blieb auf dem Linoleumboden liegen* [12, S. 67]. / Вопрос выпал из нее и остался лежать на линолеуме. Преувеличение как стилистический прием подчеркивает эмоциональное состояние героини.

Das Lachen schoss aus ihr heraus und flog gegen die Glasscheibe, dahinter die zwei Beamten, die sie angewidert sahen [Ibidem, S. 12]. / Смех подобно выстрелу вылетел из нее и полетел по направлению к стеклу, за спины двух таможенников, которые с отвращением смотрели на нее. В возмутительной ситуации, в которой оказалась героиня романа, она не нашла ничего лучшего, как засмеяться, причем именно таким смехом. Это был ее способ защиты от окружающих, который в языковом плане автор выразил подобным стилистическим средством.

Необходимо отметить использование культурно обусловленной лексики – культурных реалий, к которым принято относить безэквивалентные слова, отражающие культуру того социума, где функционирует язык. Слова и выражения из родного языка всех трех авторов – русского – введены ими в текст по-разному: Дмитрий Капительман записывает их латинскими буквами: *rinak* (рынок), *salo* (сало), *mechet* (мечеть), *kopejik* (копейка) и др.

Einmal sah ich ihn auf dem größten rinak der Stadt um ein Kilo salo feilschen. [9, S. 10]. / Однажды я увидел его на самом большом рынке города, торгующимся за килограмм сала.

В отношении орфографической нормы немецкого языка мы наблюдаем нарушение, так как существительные *rinak*, *salo* написаны со строчной буквы. Причем этот эффект создается автором намеренно повсеместно при употреблении русских слов, так как преследуется цель подчеркнуть их чуждый характер.

Так как автор с родителями проживал на территории Украины до 10 лет, встречается также и украинское выражение, также записанное латинскими буквами: *Die Händler verzogen ihre Plombengebisse, klammerten sich hilflos an ihre Metzgermesser und jaulten Batjko, paimij sche sirdze* [Ibidem]. / Торговцы раскрывали свои пломбированные рты, беспомощно хватались за свои ножи и выли «Батько, май же серце».

В данном случае мотивированным является употребление именно украинской речи для создания определенного колорита, так как действие в примере происходит на рынке, находящемся на южной окраине города, где больше говорящих именно на украинском языке.

Некоторые русские слова намеренно вводятся автором, чтобы подчеркнуть характерные черты протагониста. *Bei dem Gedanken an ihn [Hasan] werde ich noch etwas mehr rastrojen* [Ibidem, S. 268]. / При мыслях о нем (Хасане) я еще больше расстроюсь. В данном примере *rastrojen* (расстраиваться) употребляется, чтобы подчеркнуть меланхоличные свойства характера, часто приписываемые именно русским как национальные черты.

Keine bleierne rastrojenstwa weit und breit [Ibidem, S. 280]. / Никаких больше гнетущих расстройств. Следует отметить, что использование слова *rastrojenstwa* не соответствует орфографической и грамматической норме немецкого языка.

Иногда автор даже предоставляет эквивалент русского слова, чтобы точнее передать его смысл. *Ich habe beschlossen, dass es eigentlich gut/wohltuend/heilsam/polesna wäre, noch etwas länger in Israel zu bleiben* [Ibidem, S. 273]. / Я решил, что вообще-то было бы хорошо/благоприятно/целебно/полезно еще ненадолго остаться в Израиле. Необходимо подчеркнуть, что *polesna* (*sein*), не являясь немецким словом, употребляется в качестве составной части именного сказуемого, что тоже нельзя отнести к норме.

Саша Марианна Зальцман, в отличие от предыдущего автора, русские слова записывает на кириллице, также давая немецкий перевод, например: *ein fest geschriebenes Я [ich]; Katüscha, wie das Lied Выходила на берег Катюша, Katüscha ging an das Ufer* [12, S. 30] (четко написанное Я; Катюша, как в песне «Выходила на берег Катюша»). *Извините heißt auf Deutsch Entschuldigung* [Ibidem, S. 41]. / Извините по-немецки будет *Entschuldigung*. Кириллическое написание слов отражает отношение к ним автора романа, которая старается выделить ситуации, в которых протагонист Али (Алиса) вспоминает о ситуации на вокзале после приезда в Германию или знакомой с детства песне.

Во всех рассматриваемых произведениях авторов-мигрантов также присутствуют англицизмы.

...da wir auf uns allein gestellt sind, hat Lonely Planet den funky Spitznamen LP [9, S. 198]. / ...и так как мы в одиночку здесь оставлены, планета Лонели имеет прикольную кличку ЭлПи; *Hippiezeug, Jeansschlughosen und Lederjacke, so kam die Braut* [12, S. 58]... / Хипповые штучки, джинсы клеш и кожаная куртка, такой пришла невеста... Заимствования в перечисленных примерах сокращают дистанцию между читателем и создателем художественного текста, все случаи обнаруживают меткое употребление иностранных слов.

Роман Д. Капительмана изобилует неологизмами.

Mascha ist ungefähr im gleichen Alter wie ich aus Kiew rausmigriert worden [9, S. 79]. / Маша была выдворена из Киева приблизительно в том же возрасте, что и я.

In drei Tagen könnte unsere Reise wieder vorbei sein. Und wir haben nur die Judkraine gesehen [Ibidem, S. 109]. / Вероятно, наша поездка через три дня вновь завершится. А мы ведь видели только еврейскую окраину (автор имеет в виду Израиль).

Mit gesunkener Körpertemperatur stieg aber ein ekliger Identitätskater auf [Ibidem, S. 157]. / С понижением температуры появилось мерзкое похмелье идентичности. *Überdosis Identitin, ganz offensichtlich* [Ibidem]. / Передозировка идентитина, совершенно точно (болезненная страсть к поиску своей идентичности).

Однако и в работе С. М. Зальцман также были обнаружены неологизмы: *Als ihre Mutter sie in die Welt katapultierte* [12, S. 42]. / Когда мать произвела ее на свет (выбросила катапультированием). *Diese zwei Russifizierten* [Ibidem, S. 43]. / Эти два обрусевших (еврея).

Исследуя оценочную функцию коллоквиализмов терминологического происхождения, В. А. Собянина пишет о мелиоративном и пейоративном эффекте подобной лексики, а также о роли эвфемизмов и дисфемизмов [4, с. 37-39]. Экспрессивная и оценочная функция этих языковых средств помогает создавать юмористический, шутивно-ироничный эффект, а может способствовать появлению уничижительного, отталкивающего эффекта. В проанализированных примерах были обнаружены эвфемизмы *katapultieren = gebären, zur Welt bringen* (произвести на свет), сочетание мелиорации и пейорации *Russifizierte* (обрусевшие) (-iert, как *raffiniert* (утонченный)), но в то же время подчеркивается неестественный процесс превращения детей еврейского происхождения в русских, путем присвоения им нарочито русских имен (Валя и Костя).

Оценочность связана с эмоциональной функцией речи, как устанавливает В. А. Собянина; оценочные разговорные единицы выражают чувства и эмоции человека, с их помощью он выказывает отношение к особо

значимым явлениям и ситуациям [Там же, с. 43]. В романе Д. Капительмана такие лексические единицы, как *Identitätskater* (похмелье после нахождения своей идентичности), *rausmigriert werden* (выехать из страны), подчеркивают эмоциональный фон протагониста и его отношение к процессу познания себя и нежеланной им эмиграции в Германию. Что касается примера *rausmigriert werden*, необходимо отметить, что ярко контрастируют семантика глагола *migrieren* (мигрировать, переезжать) и формальные признаки, такие, как префикс *raus-* (*вы-*) и грамматическая форма страдательного залога.

Для достижения определенного стилистического эффекта автор может намеренно использовать употребление коллоквиализмов, образованных путем словосложения и суффиксации [5]. Данные способы часто употребляются для создания пейоративной лексики, для сравнения приводится обнаруженный нами неологизм *Identitin* как болезненная страсть к поиску и определению себя, своей идентичности, для образования которого используется терминологический суффикс из области медицины *-itin*, приобретающий при переходе в разговорную лексику отчетливую экспрессивно-оценочную коннотацию.

Отмечается, что в проанализированных работах за счет употребления изолированных предложений, различных способов сочинительной связи и эллиптических предложений в разговорной речи реализуется принцип языковой экономии. Как отмечает Е. В. Бирюкова, принцип языковой экономии – это один из факторов успешности коммуникации, реализующийся за счет использования различных способов сочинительной связи в предложении, а также употребления кратких языковых конструкций как важных синтаксических особенностей современного немецкого языка [1; 2].

Проанализировав языковые особенности текстов немецкоязычных художественных произведений писателей-мигрантов третьего поколения, можем сделать следующие **выводы**: в романах О. Грязновой, С. М. Зальцман и Д. Капительмана обнаружено некое сходство сюжетных линий, а также следующих языковых особенностей: незначительные отклонения от нормы немецкого языка (порядок слов), специфическое употребление синтаксических знаков (вопросительные предложения, изолированные предложения, неполные предложения, повторы). Произведение С. М. Зальцман характеризует присутствие гротескных приемов, а также кириллического написания русских слов и словосочетаний с последующим переводом на немецкий язык. В романе Д. Капительмана отмечается наличие довольно большого количества неологизмов, приема персонификации предмета, а также наличие лексических единиц, образование и употребление которых нарушает нормы немецкого языка.

Список источников

1. Бирюкова Е. В. Синтаксическая связь в немецком и русском языках // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1: в 4-х ч. Ч. 2. С. 65-67.
2. Бирюкова Е. В. Тенденции развития современного немецкого языка (на материале немецкой грамматики) // Институт XXI века: подготовка педагогических кадров нового поколения (актуальность, проблемы, перспективы): материалы научно-практической конференции / под ред. Л. И. Осечкиной. М.: МГПИ, 2010. С. 313-316.
3. Ваулина Л. Н., Баркова К. В. Тематические особенности миграционной литературы западной Германии // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2008. № 1. С. 229-234.
4. Собянина В. А. Оценочность разговорной лексики терминологического происхождения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 36-44.
5. Собянина В. А. Суффиксация как один из способов словопроизводства немецких коллоквиализмов на основе терминологической лексики // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 2 (10). С. 28-35.
6. Grjasnowa O. Der Russe ist einer, der Birken liebt. München: Hanser Verlag, 2013. 226 S.
7. Hausbacher E. Poetik der Migration. Transnationale Schreibweisen in der zeitgenössischen russischen Literatur. Tübingen: Stauffenburg, 2009. 317 S.
8. Jänchen A. Die dritte Stimme: Migration in der jüngeren deutschsprachigen Literatur. Tectum Wissenschaftsverlag, 2019. 96 S.
9. Kapitelman D. Das Lächeln meines unsichtbaren Vaters. Berlin: Hanser Berlin, 2016. 288 S.
10. Oppenrieder W., Thurmair M. Sprachidentität im Kontext von Mehrsprachigkeit // Sprachidentität – Identität durch Sprache / hrsg. von N. Janich, C. Thim-Mabrey. Tübingen: Gunter Narr, 2003. S. 39-60.
11. Rösch H. Migrationsliteratur im interkulturellen Kontext. Frankfurt am Main: Verlag für interkulturelle Kommunikation, 1992. 241 S.
12. Salzmann S. M. Außer sich. Berlin: Suhrkamp, 2017. 273 S.

Linguistic Peculiarities of Migrant Writers' Works (by the Material of the German Language)

Biryukova Evgeniya Viktorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Grishina Dar'ya Dmitrievna
Moscow City University
evb1303@rambler.ru; grischina-d@yandex.ru

The article analyses creative work of the German writers of the fourth migration wave. Stylistic, grammatical and lexical peculiarities of their works, including techniques of grotesque, usage of borrowings and neologisms, are identified. The paper aims to correlate the identified peculiarities with the norm of the German literary language. Originality of the study involves analysing syntactic and lexical peculiarities of the migrant writers' novels.

Key words and phrases: fiction text; migrant writers; stylistic peculiarities; syntactic constructions; grammatical norm of the German language.